П. А[illegible]мовъ — Вл. Яковлевъ

ДВА ДЕЗЕРТИРА.

РАЗСКАЗЪ

Ростовъ на Дону.
1919

Цѣна 1 руб.

П. АВРАМОВЪ — Вл. ЯКОВЛЕВЪ

ДВА ДЕЗЕРТИРА.

(РАЗСКАЗЪ).

Ростовъ на Дону.
1919

ДВА ДЕЗЕРТИРА.

Разсказъ.

I.

Въ дверяхъ казармы показался дежурный по ротѣ унтеръ-офицеръ.

— Разбирай котелки!—крикнулъ онъ.—Живо, за ужиномъ!

Солдаты засуетились. Они только что окончили свои дневныя занятія и съ нетерпѣніемъ ждали ужина, послѣ котораго, въ теченіе трехъ-четырехъ часовъ, имъ предоставлялась полная свобода: они могли снять съ ногъ тяжелые интендантскіе сапоги, распоясаться, выйти изъ душныхъ казармъ на площадки и здѣсь, на свѣжемъ воздухѣ майскаго вечера, поплясать, попѣть и за „цыгаркой" отвести душу въ бесѣдѣ о родныхъ, оставшихся въ слободахъ, о предвидящемся въ этомъ году урожаѣ, о войнѣ и о другихъ волнующихъ вопросахъ.

— Фома, котелокъ у тебя?—спросилъ пожилой солдатъ, по прозвищу „Тырка", другого, совсѣмъ еще молодого.

— У меня,—отвѣтилъ Фома и нагнулся, чтобы достать изъ-подъ изголовья нарь котелокъ.

— Засмаливай, братуха, за ужиномъ,—сказалъ „Тырка".—Твоя нынче очередь. Вчера я ходилъ, позавчера—дядя Григорій.

Фома схватилъ котелокъ и, въ чемъ былъ, рысью побѣжалъ на кухню.

— Не забудь, хлѣба захвати!—крикнулъ ему вдогонку „дядя Григорій"—высокій, обросшій колючей щетиной, рябой и конопатый солдатъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Фома возвратился, держа въ одной рукѣ дымящійся котелокъ съ кашей, а въ другой—большую краюху полубѣлаго хлѣба.

Солдаты достали изъ-за голенищъ оловянныя ложки и съ удовольствіемъ стали ѣсть.

Когда въ котелкѣ ничего не осталось, „Тырка" облизалъ ложку, вытеръ ее рукавомъ, положилъ на столъ и сказалъ, обращаясь къ сослуживцамъ:

— А теперь, робя, снимай „аглицкіе"—и на дворъ! Слышь, ужъ пѣсни затянули...

— На дворъ можно, а что на счетъ „аглицкихъ"—никакъ,—сказалъ Фома,—потому я въ нарядѣ и безъ сапогъ значитъ, гулять не приходится.

— Чего, дневалишь, что ль?—спросилъ дядя Григорій.

— Съ десяти и до двѣнадцати....

— Ну, какъ знаешь,—сказалъ „Тырка".—А мы, какъ не въ нарядѣ,—то разуемся и походимъ въ природныхъ сапогахъ.. Тридцать пять лѣтъ хожу и никакъ не протру,—засмѣялся онъ.—Прочные...

Земляки вышли во дворъ. Тамъ уже шелъ плясъ. Какой-то растрепанный солдатенка, съ уханьемъ и свистомъ подъ тарахтящіе звуки бубна и задорное пиликанье гармоники отдѣлывалъ „казака", приводя многочисленныхъ зрителей въ неистовый восторгъ художественно выполняемыми „колѣнами".

— Ишь, стервецъ, какъ откалываетъ!—слышались изъ толпы одобрительные возгласы.

Фома остановился посмотрѣть.

Скоро, однако, ему показалось скучнымъ смотрѣть на пляшущаго солдата. Онъ оглянулся, ища глазами „Тырку" и дядю Григорія, но тѣхъ уже не было въ числѣ зрителей Они, очевидно, пошли слушать пѣсни въ десятую роту, въ которой лучшіе пѣвуны полка. Фома безцѣльно побродилъ между солдатами, подумалъ было возвратиться въ казарму, но вдругъ рѣшительно направился въ открытую степь, облегавшую со всѣхъ сторонъ лагерь. Ему захотѣлось побыть одному, не слышать ни музыки, ни пѣнья, ни дружнаго смѣха, то тутъ, то тамъ раздававшагося по лагерю..

Фома быстро дошелъ до курганчиковъ, нарытыхъ на ученьяхъ солдатами, и легъ на спину за высокой насыпью окопа. Имъ овладѣла тоска. Вотъ уже мѣсяцъ какъ онъ въ полку. Дѣлать ничего не хочется, а надо дѣлать, потому что порядокъ, дисциплина того требуетъ. А не нравится Фомѣ солдатская служба! И находятся же такіе изъ его земляковъ, которые только и думаютъ о томъ, какъ бы отличиться на ученьи, какъ бы ловчѣй другихъ перепрыгнуть черезъ кобылу или сильнѣй уколоть чучело... Странные люди... И о войнѣ-то они говорятъ захлебываясь, будто о крестинахъ какихъ или о веселой пирушкѣ... И кто это придумалъ войну? Кому она, зачѣмъ она? Изволь вотъ теперь подставлять подъ пулю лобъ... А вдругъ убьютъ?

Фома вздрогнулъ и закрылъ на мгновенье глаза при этой мысли.

Нѣтъ, надо уходить въ Рассею! Вотъ тамъ, говорятъ, совсѣмъ хорошо... Ни тебѣ начальства, ни тебѣ службы... Живи, какъ вольная птаха... Денегъ можно прикопить, пріодѣться малость, отцу и матери помочь въ хозяйствѣ...

Мысли Фомы обратились къ дому.

Онъ вспомнилъ старика-отца, который, провожая его въ городъ, заплакалъ и сказалъ: „Мотри, Фома, одинъ ты у меня... Служи вѣрой и правдой, не забижай начальство... Начальство тогда и тебя не забудетъ. Глядишь—вернешься хвильхвебелемъ"... Всплакнулъ тогда Фома, разжалобалъ его отецъ, хоть и зря онъ говорилъ насчетъ „хвильхвебеля". Зачѣмъ ему „хвильхвебель"? Вотъ мать, та лучше сдѣлала: при отправкѣ его, Фомы, въ городъ тихонько отъ отца, „на всякій случай", сунула въ руку двѣ сотенныхъ... Это куда лучше, а то „хвильхвебель"...

Жалко, все-таки, что нельзя теперь утечь въ Варзаровку... Строгости пошли разныя... Еще суду предадутъ, или чего добраго—при всемъ „мірѣ" высѣкутъ.

Фома всталъ, прошелся и опять легъ на покрытую зеленой травой землю...

„Подожду немного и сбѣгу къ товарищамъ... Будетъ. надоѣло! Тамъ лучше"...—подумалъ Фома и сразу насторожился: до него донесся тихій разговоръ. Онъ осмотрѣлся и въ незамѣтно наступившихъ сумеркахъ увидѣлъ двѣ приближающіяся къ нему фигуры. Разговоръ сталъ слышнѣй.

„Кажись, „Тырка" и „дядя Григорій."—подумалъ Фома.

„Тырка" и „дядя Григорій—это были на самомъ дѣлѣ они—опустились неподалеку отъ Фомы на курганъ и продолжали свой разговоръ.

— Повѣрь мнѣ, Гриша,—говорилъ скороговоркой „Тырка". —Самъ видалъ и самъ разспрашивалъ.

— А кто-онъ такой?—спросилъ Григорій.

— Самбекскій родомъ... Перебѣгъ оттуда, чтобы взять семью и обратно въ Рассею... Денегъ у него... куча! И все сторублевки.

— Что же онъ разсказывалъ?

— Да что! То же, что разсказывалъ еще зимой одинъ пріѣзжій человѣкъ... какъ, бишь, его звать?...

— Василій!—громко сказалъ Фома, чутко прислушивавшійся къ разговору. Онъ всталъ и быстро направился къ сидящимъ. Тѣ вздрогнули отъ неожиданности, но, узнавъ Фому, успокоились.

— Ты чего же говорилъ, что тебѣ дневалить?—спросилъ, овладѣвъ собою, „Тырка".

— Да рано еще... Успѣю!—сказалъ Фома, присаживаясь.—Про кого вы тутъ говорили?

— Да прибѣгъ изъ Рассеи одинъ мужичокъ. Дюже хвалитъ „ту“ сторону. Уговариваетъ всѣхъ переходить туда.

— Денегъ, говорятъ, даютъ „тамъ“,—сказалъ Григорій.

— Да,—подхватилъ „Тырка“.—дали ему товарищи кучу денегъ и сказали: „ѣзжай на Донъ и зови всѣхъ, чтобы переходили... Всѣмъ будутъ деньги“. Онъ и поѣхалъ. А ты откуда знаешь Васпльл?—спросилъ онъ Фому.

— А онъ и у насъ въ слободѣ побывалъ.. Слыхалъ я его... Еще у Ерохиныхъ въ маслобойкѣ ночью собирались,—отвѣтилъ Фома.

— Здорово онъ хвалилъ „ту“ сторону... Не жизнь тамъ выходитъ, а малина,—заговорилъ, увлекаясь, „Тырка“.—Главное, что земли въ избыткѣ. Помѣщикъ тамъ, или, скажемъ, капиталистъ какой, буржуй то-есть, совсѣмъ ни къ чему... Послѣднимъ человѣкомъ сталъ... А нашъ братъ первымъ человѣкомъ оказался...

„Тырка“ помолчалъ мгновенье и продолжалъ:

— Про землю много говорилъ Самбекскій-то.. Каждый работаетъ столько, сколько можетъ. Десять десятинъ на душу—бери десять, двадцать—двадцать, сто—сто... Вотъ оно что!.. Да и на счетъ мануфактурки „тамъ“ можно поживиться, сахарку много, словомъ,—всего въ избыткѣ.

— Кабы не семья—утекъ бы! — рѣшительно сказалъ Григорій.

— Въ томъ-то и штука!—подтвердилъ „Тырка“.—Ну, я-то ушелъ бы, а какъ же моя баба? Хорошо холостымъ, сѣлъ и поѣхалъ...

„А я-то холостой“...—радостно подумалъ Фома.—„Хочу—убѣгу, хочу—нѣтъ“..

— Вотъ тебѣ, Фома, хорошо,—словно отгадывая его мысли, сказалъ Григорій.—Жены у тебя нѣту, дѣтей, стало быть, тоже... Чего сидишь тутъ? Я бы на твоемъ мѣстѣ давно былъ въ Рассеѣ...

Фома промолчалъ, но подумалъ: „Самъ знаю... Не учи... Дай срокъ.. Вы тутъ пилить будете, а я буду Маланьѣ на свадьбу капиталы копать у „товарищей“.

— Фомѣ сподручно,—сказалъ „Тырка“—Одинъ, и молодой къ тому же... Другое дѣло намъ...

— Ну, я пойду,—поднялся Фома.—Мнѣ на дневальство становиться надо. Кабы не опоздать.

Попрощавшись со своими собесѣдниками, Фома быстро пошелъ къ лагерю.

. . . .

Черезъ нѣсколько дней, послѣ вечерней зари, фельдфебель пришелъ къ ротному съ рапортомъ.

Поручикъ ожидалъ обычной фразы, что все-де благополучно, но, взглянувъ повнимательнѣе на фельдфебеля, не удержался и спросилъ первый:

— Что-нибудь неладное случилось?

— Такъ точно, господинъ поручикъ!

— Что же случилось?

— Да одинъ солдатъ убѣгъ...

— Кто такой?

— Можетъ быть припомните, господинъ поручикъ,— Фома Панасюкъ.

— А-а, это тотъ...

— Такъ точно!.. Онъ самый... Съ дозволенія сказать, паршивецъ и с.... с...

— Когда же онъ убѣжалъ?

— Да еще вчера... Я не докладелъ вамъ, господинъ поручикъ, потому—полагалъ, что онъ въ самовольной отлучкѣ когда нынче гляжу—его опять нѣту...

— Ну, чортъ съ нимъ! Такого не жаль,—сказалъ поручикъ.—Передай писарю, чтобы рапортъ написалъ да предупреди роту, что если будетъ пойманъ кто изъ тѣхъ, которые вздумаютъ бѣжать,—плохо имъ будетъ... Разговоры, вѣдь, короткіе..

— Не извольте сумлѣваться, господинъ поручикъ! Наша рота молодцомъ.. Панасюкъ, съ дозволенія сказать паршивая овца... Вотъ онъ и убѣгъ!

— Ну, ладно, ступай!

Фельдфебель молодцевато повернулся и вышелъ, весьма довольный, что все обошлось столь благополучно

II.

Начало у Фомы такое было удачное и легкое, что, казалось Фомѣ, самъ Богъ принялъ въ немъ участіе и помогъ ему.

Вышелъ Фома передъ зарей къ полотну желѣзной дороги. Въ это время со стороны города медленно подошелъ и остановился передъ лагерной площадкой воинскій поѣздъ Свѣсивъ ноги наружу, солдаты сидѣли въ дверяхъ теплушекъ. изъ вагоновъ неслись звуки гармоники и пѣсенъ.

Фома медленно и безцѣльно шелъ вдоль вагоновъ, точно отыскивая среди солдатъ знакомыхъ. У послѣдняго вагона Фома остановился, глянулъ на весь поѣздъ въ длину и хотѣлъ было уже идти прочь, какъ одинъ изъ солдатъ послѣдняго вагона вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Слово

за словомъ—и Фома узналъ, что эшелонъ слѣдуетъ на позицію, въ Харьковскую губернію.

„Вотъ... Рассея“...—мелькнула у Фомы быстрая мысль, в сердце его радостно и тревожно забилось.

— А скоро, землякъ, пріѣдете на позицію?—спросилъ онъ своего собесѣдника.

— А такъ, смекаемъ, что въ недѣлю допремъ,—отвѣтилъ солдатъ.—Машина добрая, „гаврила“ крутитъ исправно! Кругомъ засмѣялись.

— А нельзя ли, землякъ, и мнѣ съ вами поѣхать?—спросилъ Фома, стараясь скрыть охватившее его волненіе.

— Это куда, паря?—удивился солдатъ.—На позицію-то?

— Ну да, на позицію,—уже бодро отвѣтилъ Фома.—Надоѣло пылить на ученьяхъ-то!... Хочу на войну, добровольно, значитъ...

— Чудное дѣло—сказалъ въ раздумьи солдатъ и, повернувшись, позвалъ:

— Митрій Андреичъ, а Митрій Андреичъ! Старшой! Поди, погляди-ка на хлопца... На войну просится!...

Къ дверямъ протиснулся старшій. Онъ внимательно посмотрѣлъ на Фому и спросилъ:

— Добровольцемъ ѣдешь?

— Такъ,—отвѣтилъ Фома, опуская голову,—по доброй волѣ.

— Что жъ, дѣло хорошее... Только надо напередъ доложить шалонному. Какъ онъ поглядитъ на такую резолюцію...

— Доложи, Митрій Андреичъ, будь отцомъ роднымъ!—взмолился Фома.

— А не лучше ли, братцы, опосля доложить шалонному,—предложилъ одинъ изъ солдатъ, прислушивавшихся къ разговору.—Отвеземъ парня верстъ на сто, а тамъ и доложимъ, что присталъ по дорогѣ, охотникомъ, то-ись.

Старшій молчалъ, соображая, ладно ли такъ будетъ. Съ крѣпко бьющимся сердцемъ ждалъ Фома отвѣта.

„Не возьмутъ—кинусь подъ машину,—думалъ онъ,—одинъ конецъ, а назадъ возврату нѣтъ“...

— Ну, съ Богомъ, садись!—сказалъ вдругъ старшій.—Пропусти его, ребята!

Пять дней провелъ Фома въ вагонѣ. Начальникъ эшелона, молоденькій подпоручикъ, узнавъ о Фомѣ, похлопалъ его по плечу и назвалъ „молодцомъ“ за рвеніе помочь Родинѣ.

На шестой день эшелонъ сталъ, наконецъ, разгружаться на послѣдней передъ позиціями станціи. Воспользовав-

шись сумятицей, Фома незамѣтно отошелъ въ сторонку и, прикрываясь станціонными постройками, добрался до лежащаго рядомъ поселка. Здѣсь путемъ хитраго раасспроса онъ вывѣдалъ, что въ 28 верстахъ отъ станціи напрямки есть деревушка Скурлатовка, въ которой, по слухамъ, никого не было: ни „кадетовъ“, ни большевиковъ.

Осторожно разузнавъ туда дорогу и запасшись хлѣбомъ, Фома тронулся въ путь. „Рассея“ была уже недалеко, и отъ этой мысли Фомѣ стало вдругъ такъ легко и свободно, что хотѣлось громко, во весь голосъ, запѣть отъ радости.

III

Солнце замѣтно клонилось къ западу. Но, несмотря на предвечерній часъ, жара не спадала. Раскаленный воздухъ жегъ все тѣло. Было трудно дышать. По обѣимъ сторонамъ вьющейся змѣйкой дороги, покрытой толстымъ слоемъ желто-сѣрой, мелкой и ѣдкой пыли, вздымались двумя неподвижными стѣнами наливающіеся колосья пшеницы.

Срывая ногами склонившіеся къ дорогѣ колосья, Фома медленно брелъ въ ту сторону, гдѣ въ дали, на пригоркѣ, въ дрожащихъ волнахъ знойнаго марева раскинулась Скурлатовка.

Деревенскіе домики, казавшіеся отсюда крохотными, выдѣлялись яркими бѣлыми четыреугольниками. Въ сторонѣ, на самомъ горизонтѣ, темнѣлось зеленое пятно.

„Должно, роща“, подумалъ Фома, вытирая промокшимъ отъ пота рукавомъ лицо.—„А промежъ позиція..“

При мысли о позиціи Фому снова охватила жуть, которая наполняла все его существо со дня бѣгства.

Сколько пережито за эти нѣсколько дней!

Усталъ Фома не только тѣломъ, но и душой: дни и ночи насторожѣ, въ страшномъ напряженіи, въ постоянной опасности быть открытымъ и схваченнымъ.....

Недаромъ Фома осунулся, почернѣлъ и даже чуточку сгорбился... Недаромъ такъ лихорадочно, какъ у загнаннаго звѣря, горятъ его глаза, и взоръ его, острый и бѣгающій, подолгу останавливается на каждомъ предметѣ, точно нащупывая, не грозитъ ли какая опасность....

... Уже стемнѣло, и поднявшаяся луна поливала яркимъ свѣтомъ Скурлатовку, когда Фома, зайдя въ деревню обочиной, со стороны огородовъ, и сопровождаемый добрымъ десяткомъ звонкоголосыхъ собакъ, постучался въ слабо освѣщенное оконце крайней избы.

На повторный настойчивый стукъ Фомы дверь пріот-

крылась, и изъ избы выглянулъ высокій, совершенно сѣдой старикъ.

— Пусти, дѣда, ради Христа, переночевать,—просительно сказалъ Фома поздоровавшись и снимая фуражку... Присталъ въ пути шибко.

Дѣдъ ничего не отвѣтилъ, зорко и подозрительно посмотрѣлъ на темную фигуру Фомы, но все же въ избу впустилъ, хотя, видно было, съ опаской и колеблясь.

Въ избѣ Фома увидѣлъ сидящаго за табуретомъ парня лѣтъ шестнадцати-семнадцати, который при свѣтѣ фитилька ковырялся въ сапогѣ шиломъ.

Поздоровавшись съ нимъ, Фома въ изнеможеніи опустился на лавку и попросилъ воды.

— Ванюха, аль оглохъ?—окликнулъ дѣдъ парня.—Видишь, умарился человѣкъ въ пути.. Дай испить!

Парень неторопливо поднялся, опустилъ сапогъ на полъ, положилъ на табуретку шило, вышелъ въ сѣни и вскорѣ вернулся съ большимъ жестянымъ ковшемъ. Дѣдъ въ это время прошаркалъ къ лавкѣ, стоявшей возлѣ печи, сѣлъ почесываясь и качаясь, точно у него болѣли зубы, потомъ, кряхтя, улегся.

Фома жадно, съ булькаміемъ, пилъ тепловатую воду, а Ванюха стоялъ возлѣ, ожидая когда гость напьется. Наконецъ, Фома оторвался отъ ковша, вытеръ ладонью губы и шумно вздохнулъ.

— Куда идешь, служивый?—спросилъ Ванюха, ставя ковшъ на столъ.

— Къ своимъ,—сорвалось неожиданно у Фомы.

Онъ спохватился, что вымолвилъ неосторожное слово, но было уже поздно.

— Къ своимъ?—удивленно повторилъ Ванюха.—Разные теперь „свои“ бываютъ.. Одни, скажемъ, дворовъ черезъ десять-пятнадцать отъ насъ, и ихъ „кадетами“ зовутъ...

Фома при этихъ словахъ помертвѣлъ и безпокойно двинулся съ мѣста.

— Другіе „свои“,—продолжалъ Ванюха,—верстахъ въ пятнадцати отсюда, въ Легкомировкѣ, скажемъ... Тѣхъ „товарищами“ зовутъ... Къ какимъ же своимъ идешь ты?—Къ этимъ или энтимъ?

Застигнутый врасплохъ, Фома молчалъ.

„Конецъ... попался“...—мелькала у него мысль.

Ванюха замѣтилъ необычайное волненіе гостя, въ головѣ у него промелькнула догадка, онъ близко придвинулся къ Фомѣ и торопливо прошепталъ:

— Ты „товарищъ“? А?—Къ товарищамъ пробираешься?

Да говори смѣло, не бойся, не выдамъ! Не перваго вижу такого! Я, братъ, сразу смикитилъ, кто ты есть...У меня, братъ, глазъ вострый! Чего же молчишь? Говори!..

Фома не зналъ, какъ быть. Измученный и издерганный, онъ рѣшилъ рискнуть: „одинъ конецъ"—и въ короткихъ словахъ разсказалъ парню исторію своего бѣгства.

Ванюха выслушалъ разсказъ съ большимъ вниманіемъ и покачалъ головой.

— Что, плохо?—робѣя спросилъ Фома.

— Нѣтъ... ничего... Удивляюсь только, какъ тебя наша скурлатская „калетня" не сцапала! Вѣдь кругомъ, проклятые, стерегутъ!...

— Ну, а пробраться туда, къ товарищамъ, можно?—ужъ смѣлѣе спросилъ Фома. Онъ постепенно овладѣлъ собою и рѣшилъ: „пропадать, такъ пропадать"

— Отчего... Мо-ожно...—протянулъ въ раздумьи Ванюха. — Только ночью. Кадеты хоть и стерегутъ кругомъ, да рази они наши мѣста знаютъ порядкомъ? Ни въ жисть! —Ночью можно,—увѣренно повторилъ онъ.

— Слышь, паря,—оживился Фома—ты тутошній, проводи до товарищей... Я те денегъ дамъ!

Ванюха подумалъ съ минуту и спросилъ:

— А сколько?

— Всѣ отдамъ! Двѣ сотенныхъ. Сдѣлай Божескую милость, проводи!...

Ванюха свистнулъ и засмѣялся.

— Эна! Нашелъ, чѣмъ удивить... Двѣ сотельныхъ!

— Сдѣлай Божецкую милость!... Нѣту больше. Ради Христа...—растерянно твердилъ Фома, умоляюще прижимая руки къ груди.

— Ладно,—сказалъ вдругъ Ванюха рѣшительно.—Провожу! Хошь денегъ твоихъ мнѣ не надо, а провожу!

— Спаси те Христосъ!—радостно воскликнулъ Фома.—Вѣкъ не забуду такой услуги, братъ....

— Да чего тамъ!...—снисходительно махнулъ рукой Ванюха,—не для тебя одного провожу... Невѣста моя живетъ на хуторѣ въ т хъ мѣстахъ... Давно не видались...

— Во-во!—одобрительно кивалъ Фома.—Ну конешно....

— А денегъ ты мнѣ все-таки дай,—сказалъ вдругъ Ванюха,—будетъ Феклушѣ подарокъ.

Фома вытащилъ изъ-за голенища тряпицу, бережно развернулъ ее и подалъ Ванюхѣ двѣ измятыя засаленныя сторублевки.

Ванюха, не глядя на деньги, сунулъ ихъ въ карманъ и сказалъ:

— Мнѣ до Легкомировки не рука... далече...Доведу-те до Святыхъ Ключей. Овражекъ такой есть, тамъ орѣшникъ растетъ и родникъ изъ земли фонталомъ бьетъ, потому и Святыми Ключами вовутъ.—Оттель мнѣ чуточку вправо, а тебѣ на Легкомировку—влѣво, верстъ семь, не больше.

— А до Святыхъ Ключей этихъ самыхъ далеко?—спросилъ Фома, шевеля ноющими ногами.

— Да не меньше какъ пятнадцать, а, може, и всѣ двадцать.

Фома задумался, но его раздумье длилось не долго: близость кадетовъ и опасеніе, что его могутъ схватить, когда до „Рассев" осталось какихъ-нибудь 20-25 верстъ, придали ему силы. Онъ чувствовалъ себя травленнымъ звѣремъ, для которого есть только одинъ выходъ: какъ можно рѣшительнѣе и быстрѣе уходить.

Черезъ полчаса, освѣщенныя яркимъ свѣтомъ луны, за огородѣ выросли двѣ темныя человѣческія фигуры.

Онѣ помаячили нѣкоторое время среди грядокъ и сразу пропали за изгородью.

IV.

Кошмарная ночь окончилась. Въ золотомъ пурпурѣ восходило солнце. По блѣдному безоблачному небу протянулись яркія полосы свѣта. Съ глухимъ свистомъ разсѣкая воздухъ, пронеслась стайка Богъ вѣсть откуда взявшихся утокъ. Заиграли, кувыркаясь, звонкие жаворонки.

Вотъ изъ-за вѣжныхъ серебристо розовыхъ тучекъ, толпившихся грядкой на горизонтѣ, прорвался и упалъ на влажную землю первый лучъ, и слѣдомъ за нимъ медленно выплылъ пурпурный краешекъ солнца.

Въ этотъ мигъ Фома проснулся. Тревожно протирая глаза, онъ разомъ сѣлъ, безпокойно оглядываясь. Но кругомъ все дышало покоемъ. Рощица, въ которой находился Фома, точно вся отдалась ласкѣ нѣжнаго іюньскаго утра. Звонко и весело журчалъ гдѣ-то невдалекѣ ручеекъ, тихо перешептывались между собой тонкія бѣлоствольныя березки съ широко разросшимися густыми кустами орѣшника.

Дикая радость охватила Фому. Всѣмъ своимъ существомъ ощущалъ онъ избавленіе отъ тяжкой жути, которую пережилъ за ночь, когда каждый кустикъ и каждый шорохъ бросалъ его въ холодный потъ, когда отъ лунной тѣни не разъ съ заглушеннымъ крикомъ бросался бѣжать, цѣпляясь за кусты и съ ужасомъ ожидая, что

вотъ-вотъ раздадутся выстрѣлы, затрещатъ подъ ногами солдатъ кусты и его схватятъ.

— Слава Те.. слава...—шепталъ теперь Фома, вдыхая полной грудью утреннюю прохладу. Онъ былъ разбитъ и нѣсколько не отдохнулъ, такъ какъ заснулъ тяжкимъ и тревожнымъ сномъ только передъ разсвѣтомъ. Полное радостнаго оживленія утро вселяло въ него теперь бодрость и вливало силы.

Онъ съ наслажденіемъ умылся студеной ключевой водой, фыркая отъ удовольствія и поливая пригоршнями голову, потомъ вытерся подоломъ рубахи, вынулъ изъ кармана остатокъ хлѣба и съ жадностью съѣлъ его.

Надо было идти дальше. Куда только, въ какую сторону?

Фома вышелъ изъ рощи на пригорокъ и сталъ вглядываться въ ровное, тихо шелестѣвшее поле, отыскивая на горизонтѣ Легкомировку.

„Сбрехалъ, видно, парень,—подумалъ онъ,—нѣтъ тутъ никакой Легкомировки".

Жуткое чувство вновь начало охватывать Фому, но вдругъ взглядъ его упалъ на неясное пятно селенія, темнѣвшагося на самомъ лѣвомъ краю горизонта.—„Вотъ она!"

Фома быстро поднялъ съ травы фуражку и выломанную въ орѣшникѣ палку и бодро пошелъ впередъ.

Пройдя съ версту, онъ замедлилъ шагъ. Выпавшая большая роса намочила сапоги и къ нимъ налипала земля, отъ чего было трудно идти. Фома остановился и сталъ сковыривать съ сапогъ налипшую землю.

Увлеченный этой работой, онъ не замѣтилъ, какъ въ шагахъ тридцати изъ ржи выглянула косматая голова, и на него устремилась пара зоркихъ глазъ. Черезъ мгновенье голова исчезла, потомъ вновь нерѣшительно поднялась, какъ бы изучая Фому. Затѣмъ изо ржи быстро поднялся небольшого роста коренастый человѣкъ, одѣтый въ холщевую рубашку и штаны.

Незнакомецъ рѣшительно направился къ Фомѣ.

— А!..—вырвалось у Фомы испуганное восклицаніе.

Подошедшій привѣтливо поздоровался, приложивъ руку къ фуражкѣ.

— Здрасте и вамъ,—отвѣтилъ Фома, силясь преодолѣть смущеніе отъ неожиданной встрѣчи.

— Куда путь держишь?—спросилъ незнакомецъ.

— Куда иду, тамъ въ свое время буду,—неожиданно грубо отвѣтилъ Фома.

— Ишь!..—усмѣхнулся незнакомецъ.—Ну, ладно, Богъ съ тобой! А не вѣдаешь ты, далече отседь до Скурлатовки?

— До Скурлатовки?—переспросилъ Фома, вглядываясь внимательнѣе на незнакомца.

— Ну да,—повторилъ незнакомецъ.—Чему дивишься? Сказывали въ Легкомировкѣ,—добавилъ онъ,—что до Скурлатовки верстъ двадцать пять, только не похоже что-то, какъ будто болѣ...

— Такъ ты изъ Легкомировки?—съ живостью спросилъ Фома.

— Да.

— Ну, какъ тамъ?

— Ничего... А въ Скурлатовкѣ?—въ свою очередь осторожно спросилъ незнакомецъ.

— Тоже ничего...

Наступило молчаніе.

„Что за человѣкъ",—думалъ Фома, разглядывая незнакомца.—„Видно, давно идетъ, истомился. Ишь, почернѣлъ, глаза горятъ, и на лицѣ написано, что много горя принялъ".

Хотѣлось Фомѣ поразспросить, кто такой, зачѣмъ идетъ, да вспомнился собственный грубый отвѣтъ на вопросъ незнакомца, и Фома промолчалъ.

— Роса большая,—сказалъ, наконецъ, незнакомецъ, прерывая длительное молчаніе.—Вишь, намокъ какъ...

При этихъ словахъ онъ показалъ на свои промокшіе брезентовые сапоги.

— И я промокъ,—отозвался Фома.—Да это пустое: пригрѣетъ солнышко, мигомъ высушитъ.

— Положимъ, что такъ,—согласился незнакомецъ и добавилъ:—Чего мы на дорогѣ стали. Коли не торопишься, пойдемъ до кустовъ, закусимъ, побалакаемъ...

— Что жъ,—согласился Фома.—Тамъ и родникъ есть, чевой-то пить захотѣлось.

Они молча дошли до рощицы и расположились у ключа. Утоливъ жажду, незнакомецъ развязалъ свой мѣшочекъ, щербатымъ ножичкомъ разрѣзалъ на двѣ части вынутый изъ мѣшочка кусокъ сала, разломилъ надвое небольшой хлѣбецъ, и половину хлѣбца и кусокъ сала протянулъ Фомѣ.

Фома этого не ожидалъ. Онъ хотѣлъ было отказаться, но не рѣшился, боясь обидѣть незнакомца, который такъ просто подѣлился съ нимъ своимъ небольшимъ запасомъ съѣстного.

— Спасибо!—поблагодарилъ Фома, принимая хлѣбъ и сало.—Ты, землякъ, какъ погляжу, хорошій человѣкъ, а только...—тутъ Фома замялся,—зачѣмъ ты идешь къ кадетамъ? Вѣдь въ Скурлатовкѣ кадеты!

Незнакомецъ чуть вздрогнулъ и съ видимымъ неудовольствіемъ сказалъ:

— Развѣ я говорилъ, что иду къ кадетамъ? Съ чего взялъ? Я иду въ Скурлатовку, а не къ кадетамъ!

— Но вѣдь въ Скурлатовкѣ кадеты!—настойчиво повторилъ Фома.

— А ты, видно, здорово не любишь кадетовъ!—сказалъ незнакомецъ, быстро овладѣвъ собой и зорко глядя на Фому.

— А за что ихъ любить?!—воскликнулъ съ горячностью Фома, не замѣчая, что выдаетъ себя съ головой...—За что? За то, что дали волю попамъ да буржуямъ, а весь народъ подъ ярмо взяли?..

— Ты, видно, парень горячій,—спокойно возразилъ незнакомецъ,—но не слыхалъ я, чтобы кадеты подъ ярмо народъ брали!

— Какъ такъ!—привскочилъ Фома.—Ты не слыхалъ, что они всю землю у крестьянъ отобрали, что священникамъ да попы всю власть захватили и опять хотятъ посадить намъ на шею царя?

Раздраженный возраженіемъ своего собесѣдника и задѣтый за живое не сходившей съ лица незнакомца полунасмѣшливой улыбкой, Фома вошелъ въ азартъ. Онъ вспомнилъ разговоры съ „дядей Григоріемъ“ и „Тыркой“, вспомнилъ тайный митингъ въ своей слободѣ, на которомъ выступалъ „товарищъ Василій“. Вспомнилъ, какъ ловко „товарищъ Василій“ вывелъ на чистую воду поповъ и буржуевъ, какъ нарисовалъ вольное райское житье подъ совѣтской властью. Теперь Фома старался вспомнить въ точности, что говорилъ „товарищъ Василій“ и съ горячностью повторялъ слышанныя слова, забывъ про осторожность...

Незнакомецъ молча выслушалъ Фому до конца, потомъ спросилъ прямо:

— Отъ кадетовъ къ товарищамъ идешь, милъ человѣкъ?

Только тутъ Фома сообразилъ, что проговорился, но отпираться было уже поздно. Онъ молча кивнулъ утвердительно головой.

— Такъ...—только и сказалъ незнакомецъ, подобралъ въ мѣшочкѣ крошки, опрокинулъ ихъ въ ротъ, досталъ изъ кармана кисетъ, развязалъ его и досадливо свиснулъ.

— Не судьба покурить!—сказалъ онъ.—Табачку троха есть, кремень есть, а бумага-то и нѣту! Не найдется ли у тебя клочка, милъ человѣкъ?

Фома полѣзъ въ карманъ и, вынувъ оттуда пару скомканныхъ тоненькихъ листковъ, подалъ ихъ незнакомцу.

— Ага, покуримъ!—обрадовался тотъ.—Крути,—протянулъ онъ Фомѣ кисетъ.

— Не курю,—отказался Фома.—А какъ кликать тебя?—спросилъ онъ неожиданно.

— Зови Горюномъ, Горюнъ и и есть... А тебя какъ?

— А я—Фома.

— Ну, вотъ и познакомились!—улыбнулся Горюнъ, развернулъ одинъ изъ листковъ, прицѣлился оторвать кусокъ на цигарку, но вдругъ остановился.

— Чего это—газетина, что ли, такая махонькая?—спросилъ онъ замѣтивъ, что съ одной стороны листка напечатано что-то.

— Да..—неопредѣленно протянулъ Фома.—Позавчера въ вагонахъ солдатамъ раздавали. И мнѣ сунули... да я и читать не сталъ!—добавилъ онъ съ усмѣшкой.

Горюнъ, между тѣмъ, видимо, крайне заинтересовался листками: онъ отложилъ кисетъ въ сторону, расправилъ на колѣнѣ одинъ изъ листковъ и медленно сталъ читать вслухъ:

— „За что мы боремся. Наши цѣли. Во-первыхъ, уничтоженіе большевистской анархіи и водвореніе въ странѣ правового порядка.. Во вторыхъ...

— Брось!— прервалъ его Фома.—Вѣдь это кадеты пишутъ. Брешутъ все!

Но Горюнъ, не обращая вниманія на Фому, продолжалъ читать.

— Во-вторыхъ, возстановленіе могущественной Единой и Недѣлимой Россіи. Въ-третьихъ. созывъ Народнаго Собранія на основахъ всеобщаго избирательнаго права. Въ четвертыхъ, проведеніе децен... децентра-лизаціи власти путемъ установленія областной авто-но міи, и широкаго мѣстнаго самоуправленія. Въ пятыхъ, гарантія полной гражданской свободы и свободы вѣроисповѣданія. Въ-шестыхъ немедленный приступъ къ земельной реформѣ для устраненія земельной нужды трудящагося населенія"... Ишь,—остановился Горюнъ.—и про нашего брата вспомнили... Про землю, значитъ, пишутъ...

— Не вѣрь, говорю—не вѣрь!—убѣжденно произнесъ Фома.—Брешутъ все, проклятые!

— Постой, милъ человѣкъ, дай почитать! Интересно вѣдь, потому насъ, мужаковъ, касается...

Фома въ недоумѣніи пожалъ плечами, а Горюнъ продолжалъ:

— Въ-седьмыхъ немедленное проведеніе рабочаго законодательства, обезпечивающаго трудящіеся классы отъ эк... эк-сплоатаціи ихъ государствомъ и капиталомъ. Подлинное подписали: Главнокомандующій Вооруженными Си-

дами на Югѣ Россіи генералъ-лейтенантъ Деникинъ Председатель Особаго Совѣщанія..

Горюнъ бережно положилъ листокъ въ сторону и задумчиво посмотрѣлъ на Фому.

— Брешутъ, все брешутъ! — упрямо и злобно повторилъ Фома. Его очень удивило, что Горюнъ заинтересовался „кадетской брехней“.

Горюнъ, точно не слыша замѣчанія Фомы, принялся за чтеніе второго листка:

— „Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ! — прочелъ онъ. — Новый приказъ генерала Деникина несетъ жизнь многимъ крестьянамъ и рабочимъ, насильно мобилизованнымъ и боровшимся противъ Добровольческой Арміи. Приказываю всѣмъ строевымъ начальникамъ принять рѣшительныя мѣры къ недопущенію повторенія случаевъ самочинныхъ разстрѣловъ и ограбленіи сдающихся красноармейцевъ. Солдатамъ необходимо разъяснить, что наряду съ палачами коммунистами, латышами и китайцами, добровольно льющими русскую кровь въ Красной арміи, въ настоящее время служатъ подъ страхомъ разстрѣла многіе крестьяне и рабочіе, ждущіе перваго случая, чтобы перейти на сторону нашихъ армій. Генералъ-лейтенантъ Деникинъ.

— Правильно! — воскликнулъ въ радостномъ возбужденіи Горюнъ, закончивъ чтеніе приказа. Правильнѣе и не можетъ быть! Сколько въ одной самой Красной арміи такихъ! Почитай, всѣ, исключая, конечно, латышей, китайцевъ да всякій сбродъ, что допрежь арестантами навывались, а нынче коммунистами. Этимъ-то, конечно, не рука переходить! Знаетъ кошка, чье мясо съѣла!.

Фома съ удивленіемъ смотрѣлъ на оживленно размахивавшаго руками Горюна, на его заблестѣвшіе глаза и разгладившуюся горестную складку у рта. У него уже раньше мелькала мысль, что Горюнъ въ такомъ же положеніи, какъ и самъ онъ — бѣглецъ, дезертиръ. Теперь онъ уже не сомнѣвался, что Горюнъ бывшій красноармеецъ. Одного только не могъ понять Фома: неужели Горюнъ, пробираясь къ кадетамъ, думаетъ, что его ожидаетъ у кадетовъ сладкое житье?..

И словно отгадавъ мысли Фомы, Горюнъ сердечно сказалъ:

— Милъ человѣкъ! Молодъ ты очень и шибко горячъ.. Въ горькую ошибку ты впалъ! Жалко мнѣ тебя! А чтобъ ты повѣрилъ, что отъ сердца говорю, не на вѣтеръ, открою тебѣ, милъ человѣкъ! Ты давеча вѣрно сказалъ: къ кадетамъ я иду! Я — Красной арміи дезертиръ! Только не-

вмоготу стало отъ горя горькаго, что принесли намъ вмѣсто мирнаго житья и спокоя коммунисты. Вотъ и бѣжалъ я изъ Красной арміи, значитъ,—дезертиръ...

— Выходитъ, одна у насъ бѣда, широко улыбнулся Фома.

— Вѣрно, другъ! Мы—два дезертира —живо отозвался Горюнъ.—Только разница въ томъ, что бѣжимъ мы въ разныя стороны,—ты къ этимъ, я къ тѣмъ. А все почему? Статное ли это дѣло, чтобы братъ противъ брата шелъ, сынъ противъ отца, отецъ противъ сына?!..

— Ну, конечно,—согласился Фома.—Все контрреволюція!

— Эхъ, милъ человѣкъ!—вздохнулъ Горюнъ.—Не серчай на слово—истинный ты теленокъ, коли такъ говоришь! На чорта намъ, мужикамъ, социализма ли, контреволюція ли! Всѣ мы человѣки, жить хотимъ, хлѣбъ ѣдимъ. А чтобы хлѣбушка поѣсть, надо спину погнуть надъ работой! Лодырей у насъ и допрежь было сверхъ надобности, а нонѣ они силу взяли.

— Ну, это какъ понимать!—значительно сказалъ Фома.

— Да чего тутъ понимать, милъ человѣкъ! Бей и грабь, вотъ и все! А коли совѣсть имѣешь, Бога не забылъ, чужое въ свой карманъ совать не можешь,—закрой глаза, заткни уши и бѣги! А не побѣжишь—и тебя ограбятъ, и тебя пытать будутъ! Ты, скажемъ къ примѣру, мужикъ?

— Мужикъ.

— И я мужикъ. Въ ниверситетахъ не учился, помѣщикомъ ли, заводчикомъ не былъ, гнулъ спину денно и нощно надъ работой, тянулъ свою трудовую лямку, а что вышло? На какую точку поставили меня коммунисты! Эхъ, милъ человѣкъ...

Горюнъ вдругъ замолкъ и поднялъ голову кверху. Въ воздухѣ послышался ровный шумъ мотора, и вскорѣ изъ-за рощицы, въ сверкающей бирюзѣ неба, показался аэропланъ. Онъ летѣлъ со стороны Скурлатовки и когда пролеталъ надъ рощицей, то ясно виденъ сталъ нарисованный снизу трехцвѣтный дискъ.

— ...бѣлый... синій... красный...—мечтательно произнесъ Горюнъ, не отрывая глазъ отъ плавно летѣвшаго аппарата, взявшаго направленіе на Легкомировку.

Съ той стороны раздалось дробное щелканье винтовочныхъ выстрѣловъ. Это щелканіе то усиливалось, то ослабѣвало.

— Ероплань то кадетскій,—сказалъ Фома, волнуясь.— Только кто это стрѣляетъ? Товарищи, что ли?

— А кому же больше? Да ты не бойсь!—нервно засмѣялся Горюнъ.—У нихъ завсегда такъ: какъ увидятъ чего-такъ и давай палить!... И все въ бѣлый свѣтъ, зря, выходитъ...

— А сюда не придутъ товарищи?—спросилъ Фома съ безпокойствомъ.

- Да не-е!...—махнулъ рукой Горюнъ.—Не тревожься! Чего имъ тутъ дѣлать!

Аэропланъ спокойно летѣлъ впередъ, все уменьшаясь. Съ сурово сжатыми губами, нахмуривъ свои густыя брови слѣдилъ Горюнъ за удалявшимся аппаратомъ. А когда одинъ за другимъ, покрывая нестройное щелканье винтовокъ, бухнуло нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ, Горюнъ вскочилъ и, сжимая кулаки, точно вызывая кого то на бой, хриплымъ голосомъ крикнулъ нѣсколько разъ въ сторону Легкомаровки

— Проклятые! Проклятые! Проклятые!.

И глаза его горѣли огнемъ дикой ненависти

Минутъ черезъ десять аэропланъ, покружившись едва замѣтной точкой на горизонтѣ, плавно пролетѣлъ надъ рощицей, возвращаясь въ сторону Скурлатовки.

V.

— Забавно выходитъ, милъ человѣкъ,—говоритъ Горюнъ, успокоившись.—И забавно и страшно... Жили себѣ два мужика Иванъ Горюнъ да... фамилію твою не знаю.. Да жили себѣ, поживали, какъ отцы и дѣды велѣли, работали, землицу свою ковыряли, хлѣбъ свой насущный добывали, и вдругъ—на тебѣ: сунули Ивану Горюну винтовку и велятъ—пойди убивай своего же русскаго человѣка Фому. Да за что, про что, скажите вы мнѣ на милость?..

— Нѣ-етъ, ты, братъ, не такъ говоришь!—запротестовалъ Фома.—Дали и мнѣ винтовку въ руки—убивать, значитъ, товарищей, которые стоятъ за народъ, чтобы, значитъ, ему вся свобода была, чтобы, значитъ, не ѣздили на его шеѣ буржуи да кадеты, чтобы не гнули его въ бараній рогъ. Знаемъ мы... Меня, братъ, не проведешь, сами съ усами!..

— Эхъ, Фома, Фома!...—укоризненно покачалъ головой Горюнъ.—Несурьезныя слова ты говоришь! Гнули тебя въ бараній рогъ кадеты, били?

— Меня не били, а другихъ били..

— Били, говоришь?

— Били!—упрямо повторилъ Фома.

— Разстрѣливали они, вѣшали?

— Разстрѣливали и вѣшали..

— Кого?

— Да почемъ я знаю! Кто шелъ насупротивъ насъ.

— А мирныхъ жителей?

— У насъ, въ слободѣ, кажись, никого, а въ другихъ слышно было, разстрѣливали и мирныхъ,—нерѣшительно сказалъ Фома.

— Значитъ, у васъ въ слободѣ этого не было? А грабили васъ кадеты? Забирали у васъ послѣдній хлѣбъ и скотъ? Измывались надъ вашими бабами? Преслѣдовали православныхъ?

Фома не зналъ, на что раньше отвѣчать.

— Онѣ, конечно..—промямлилъ онъ,—у насъ этого самого... чтобы сказать въ слободѣ, то вѣдь не было...

— Т[illegible]—торжествующе воскликнулъ Горюнъ.—Наслушался ты брехни, будто въ совѣтской Рассеѣ чуть не рай, а у кадетовъ и то плохо и это плохо! Вотъ и попался! Самъ лѣзешь въ продовы лапы!.. А все почему? Какая тому причина?—Все темнота наша растреклятая!. Больно умными вздумали себя вдругъ, а на дѣлѣ выходитъ—дураки-дураками..

Фома сердито хмыкнулъ и потянулъ себя за воротъ, точно ему стало душно.

— Вотъ, милъ человѣкъ,—продолжалъ Горюнъ,—пожилъ бы ты съ мое въ этомъ самомъ совѣтскомъ раѣ, такъ узналъ бы, какъ Богу молиться! Сказать примѣрно—я Солдатъ Красной армiи, и, между прочимъ, дезертиръ.. Съ нѣмцемъ три года воевалъ, два раненiя имѣю, Георгiя имѣю, стало быть, не похоже, чтобы трусъ,—я не трусъ. Иду къ кадетамъ, въ ноги поклонюсь: „Примите, ради Христа, коммунистовъ бить"! И буду бить, охъ, буду бить!

Горюнъ оглядѣлся, какъ бы ища, что взять въ руки, чѣмъ онъ будетъ бить коммунистовъ. Фома съ любопытствомъ смотрѣлъ на него, и на лицѣ его блуждала неопредѣленная улыбка: забавенъ былъ Горюнъ въ его дикой ненависти къ коммунистамъ.

— Да чѣмъ тебѣ такъ насолили они?—спросилъ Фома.

— Насолили, тоже скажешь!—нахмурился Горюнъ.—Разорили съ корнемъ, двухъ братьевъ разстрѣляли, надъ женой [illegible] надругались и въ гробъ вогнали! Это какъ понять? Насолили? Полъ села сильно сожгли, скотъ съ дворовъ увели, весь хлѣбъ еще зимой вывезли, святую церковь опоганили и заплевали, старика-батюшку, отца Николая, замучили и полуживаго закопали.—Это тоже называется „насолили"?!..

Фома смущенно молчалъ, а Горюнъ продолжалъ гремѣть:

— И вѣдь кто? Босовня, голь перекатная да чумазые нехристи-китайцы и латыши! Сколько невинныхъ людей загубили, сколько сиротъ беспризорныхъ по міру пустили! За что? За что?..

Фома пошевелилъ губами, собираясь что-то сказать.

— Опять же дороговизна, голодъ, болѣзни,—продолжалъ Горюнъ, не замѣтивъ движенія Фомы.—Мрутъ мужики, пухнутъ съ голодухи бабы, дѣтки несчастныя плачутъ, просятъ хлѣбца, каши... А гдѣ взять, коли все проклятые коммунисты забрали—кормить своихъ комиссаровъ да косоглазыхъ и латышей!..

— Выходитъ, несчастная ваша мѣстность!—съ искреннимъ соболѣзнованіемъ сказалъ Фома.—Вражьи много!

— Н-а, другъ Фома!..—вздохнулъ Горюнъ.—Вся совѣтская Россія, гдѣ, стало быть, комиссары съ коммунистами,—такая несчастная мѣстность! Наша ли, то есть Пензенская губернія, подъ Москвой ли, подъ Псковомъ, подъ Сызранью,—вездѣ одно: горе-горькое да крови и слезъ по колѣно!

— А ты почемъ знаешь какъ въ другихъ мѣстахъ?

— Какъ не знать, милъ другъ! Чай, въ полку не изъ одного села люди собрались! Слухомъ земля полнится да въ газетахъ иныхъ читать доводилось, какъ въ разныхъ мѣстахъ Матушки-Рассеи деревни и села противъ комиссарской нечисти подымаются—знать, терпѣть моченьки не стало! Только лихо расправляются злодѣи съ тѣми, кто противъ ихъ идетъ, льютъ хрестьянскую кровь не жалѣючи, благо—чужая.

— Дивныя вещи сказываешь ты, пріятель!—проговорилъ въ раздумьи Фома.—У насъ, въ Верхне-Донскомъ и въ Усть-Медвѣдицкомъ, оно точно, возстанія были, да вѣдь тамъ казачья, тѣ же буржуи... А чтобы большевики съ трудовымъ, то есть съ нашимъ малоземельнымъ хрестьяниномъ такое обращеніе имѣли—не слыхалъ я чтой-то!... Болтаютъ всяко люди—добавилъ онъ,—да вѣдь не всякому слову вѣрить приходится..

— Истину говоришь, милъ человѣкъ! Не всякому слову вѣрить надобно... Хочешь—вѣрь, хочешь—не вѣрь и моимъ словамъ, только вотъ те Христосъ,—Горюнъ перекрестился,—что истинную правду говорю я тебѣ!

— Да я что жъ, да я разв...—началъ оправдываться Фома.

— Нѣтъ, нѣтъ, милъ человѣкъ!—перебилъ его Горюнъ.—Теперь время такое, что къ каждому слову надо подойти съ понятіемъ, а не довѣряться зря. Лихого люда развелось много, ой много! Помнить это надобно. Вотъ, давеча ты мнѣ про кадетовъ что наговорилъ, а вѣдь это не твое лукавый, продажный наплелъ, а ты и взялъ все на вѣру! Да мало, что слово вылъ, а и на дѣло его подбивать! Негоже такъ, Фома! Чужимъ умомъ живешь! Своимъ надо промышлять! Свой-то, можетъ, и не такъ востеръ, какъ чужой какой, а зато онъ свой, не продажный!

— Это ты вѣрно!—согласился Фома.—Только напрасно смекаешь, будто я ничего не понимаю и все—съ чужихъ словъ..

— Да не объ томъ рѣчь, родной!—горячо возразилъ Горюнъ.—Да я и самъ-то на много ли старше тебя? Не въ укоръ сказалъ и не въ поученье! Самъ я вѣрилъ всему, что балакали люди кругомъ! Съ охотой вѣдь сначала пошелъ въ Красную армію, да какъ увидѣлъ все собственными глазами, да какъ испыталъ все на своемъ горбу,—тогда и понялъ, что только самому себѣ надо вѣрить, а не краснобаямъ, что сулятъ синицу въ небѣ, а въ руки камень суютъ!..

Горюнъ передохнулъ и продолжалъ:

— Больно вспоминать даже... Жена—еще жива была она—писала, чтобъ пріѣхалъ я помочь въ хозяйствѣ. Отецъ старый, не можетъ она одна справиться... Было это съ мѣсяцъ тому назадъ. Выпросился я,—почитай мѣсяцевъ восемь дома не былъ,—поѣхалъ я... милъ человѣкъ! Пріѣхалъ, а жена въ гробу, отецъ плачетъ, боится правду сказать. Сосѣди ужъ разсказали... Ограбили злодѣи-коммунисты насъ до-чиста! У отца четыре лошади было, двѣ коровки, жеребенокъ, телки,—все, проклятые, увели, ничего не оставили.. Въ домѣ сундуки всѣ повыворотили, вещи, какія были, позабирали. Жена срамить ихъ стала: за трудовой народъ, злодѣи, стоите, а сами же середь бѣла дня грабите да чужимъ добромъ карманы свои набиваете!.. Они ее выволокли за такія слова подъ повѣть—да прикладами, а потомъ еще.. Эхъ!..

Горюнъ замолкъ, отдаваясь тяжелымъ воспоминаніямъ.

— У сосѣда дочка была,—продолжалъ онъ тихимъ голосомъ.—Красавица-дѣвчонка... Они и туда ввалились. Взять нечего—бѣдный мужикъ, такъ они дочку обезчестили, чтобы, значитъ, не уйти безъ поживы... Дѣвчонка сраму не вынесла, на другой день изъ петли вынули... Такъ изъ дома въ домъ ходили злодѣи, обчистили за два дня село, награбленное на подводы нагрузили и уѣхали. „Какъ мы, говорятъ, въ совѣтской республикѣ живемъ, значитъ, добро ваше для

бѣдныхъ повеземъ, чтобы у всѣхъ поровну. А вы, говорятъ, такіе-растакіе, богатѣи, вотъ мы и взяли у васъ"...

— Неужели у всѣхъ брали, безъ разбору?—спросилъ Фома, пораженный разсказомъ.

— У всѣхъ, милъ человѣкъ! Какъ есть, у всѣхъ! Я когда пріѣхалъ, на деревнѣ стонъ стоитъ. Самъ обходилъ я дворы, повыспрашивалъ... А если бы зналъ ты еще, милъ человѣкъ, про комитеты бѣдноты, что по деревнямъ насажали!—Въ разоръ разорили народъ!.. Раньше хоть по десятинѣ на человѣка—да было, а нонѣ и ни-гошеньки! Всю землю отобрали, ничья она—объявили, и нѣтъ для ней хозяина. Хочешь—работай, а чтобъ твоя земля была собственная—дудки!.. Да мало ли, какія еще дѣла творятъ коммунисты! И что ни день,—все тяжелѣе и хуже. Эхъ, жисть ты наша горькая!—вздохнулъ Горюнъ.

— Какъ же это?—задумчиво, точно спрашивая самого себя, сказалъ Фома.—Вѣдь тамъ—свобода, только и жисть трудовому народу!... А ты вонъ какое говоришь...

— Говорю что есть!—рѣзко отвѣтилъ Горюнъ.—Хочешь—вѣрь, хочешь—нѣтъ, мнѣ все едино! Захотѣлось душу отвесть, молчалъ сколько! Да и тебя жалко стало. А не вѣришь—твое дѣло!

— Да я не то, что не вѣрю, Христосъ съ тобой!... А беретъ меня только сумлѣнье... Какъ же это? Подлинно ли вездѣ у большевиковъ такіе порядки, какъ ты говоришь?...

— А ты сходи да узнай!—насмѣшливо сказалъ Горюнъ.—Иди въ Легкомировку до комиссара и бухнись ему въ ноги: пришелъ-де къ вамъ отъ подлыхъ контреволюціонеровъ, пусти, дяденька, въ совѣтскій рай!

— Да ты не серчай!

— Чудакъ человѣкъ! Я не серчаю. Чего мнѣ серчать? Всякъ свою нужду лучше знаетъ! А дурости у людей много, охъ, много!.. Этому ужъ повѣрь!

Наступило молчаніе. Горюнъ легъ и, устремивъ взоръ въ глубокую синеву неба, задумался. Фома сковыривалъ мозоль на ладони, временами взглядывая нерѣшительно на Горюна, точно собирался что-то сказать.

— Ну, пора итти!—сказалъ Горюнъ, подымаясь.—Вишь, солнце какъ высоко..

Онъ привязалъ просохшіе на солнцѣ сапоги къ харчевому мѣшочку, поднялъ съ травы листки, переданные ему Фомой, бережно сложилъ ихъ и спряталъ въ карманъ.

— Уходишь?—спросилъ Фома.

— Пора. Тебѣ-то близко, часа два ходу, а мнѣ вѣдь до Скурлатовки далече, а надо засвѣтло поспѣть. Ну, про-

шай, добрый человѣкъ,—протянулъ онъ Фомѣ руку.—Счастливо! Можетъ, приведетъ Господь, свидимся коли!...

Когда фигура Горюна, направившагося черезъ рощу, скрылась за дальними кустами, Фому сразу охватила такая тоска, что онъ хотѣлъ броситься вслѣдъ за Горюномъ. Однако, какая-то неясная, тревожная мысль удержала его, и онъ остался.

Съ тоскою глядя на растилавшееся передъ нимъ поле, онъ шепталъ:

— Да что же это?. Да какъ же такъ?..

Въ ушахъ его звучали гнѣвныя рѣчи Горюна, и вѣяло какой-то жутью съ той стороны, гдѣ темнѣлась на горизонтѣ Легкомировка...

. . . .

Черезъ часъ бодро шагавшаго по пыльной дорогѣ съ перекинутыми черезъ плечо сапогами Горюна нагналъ Фома.

Онъ имѣлъ сконфуженный видъ и смущенно улыбался.

— Ты чего?—съ изумленіемъ спросилъ Горюнъ, глядя на запыхавшагося Фому.

— Съ тобой пойду... Обратно.

Горюнъ просвѣтлѣлъ, ласково улыбнулся, хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ.